

М. В. Куцаева

ФУНКЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В МАРИЙСКОЙ ДИАСПОРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

В статье приводятся результаты социолингвистического обследования, проведенного автором в марийской диаспоре московского региона с целью выявления и описания функционирования этнического языка. Один из аспектов исследования посвящен установлению функций, которые закреплены за этническим языком в условиях диаспорного проживания группы. Несмотря на незначительную степень использования марийского в московском регионе (ввиду повсеместной распространенности и доминирования русского языка) и тяготение к его употреблению в семейно-бытовой, дружеской, иногда — профессиональной сферах общения, марийский язык, тем не менее, выполняет в диаспоре ряд важных функций.

В ходе обследования автором были определены следующие функции: коммуникативная, фатическая (контактоустанавливающая), функция тайного языка (используемая в общественном пространстве между носителями марийского языка, а также в семейно-бытовой сфере между некоторыми членами семьи), эмоциональная (на каком языке опрошенным доводится думать, видеть сны, ругаться, шутить), а также сакральная (язык обращения к божественным силам, а также язык религии и религиозных отпращиваний) и символическая (язык как символ групповой идентификации).

В результате обследования было установлено распределение функций марийского языка по поколениям; в отношении набора функций языка у респондентов в выборке был выявлен ряд закономерностей, связанных, с одной стороны, со степенью владения ими марийским языком, с другой стороны, с принадлежностью тому или иному поколению диаспоры. Кроме того, были выделены факторы, препятствующие использованию марийского в той или иной функции.

Ключевые слова: *марийский язык, этнический язык, внутренняя диаспора, московский регион, функции языка.*

Введение

Марийцы являются одним из коренных финно-угорских народов Среднего Поволжья. В Российской Федерации насчитывается 547605 марийцев, из них 290863 проживают в Республике Марий Эл, составляя 41,8 % от ее населения. Остальные марийцы (46,9 % от всего марийского населения РФ) (ВПН 2010) в силу исторических причин (подробнее об этом см. (Козлова, 1978), (Сепеев, 2006)) проживают компактными (в Республиках Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, Пермском крае) и дисперсными группами во многих регионах страны, образуя на ее территории внутреннюю диаспору (ССТ 2006: 57). Длительное соседство с представителями других народов повлияло на быт, культуру, язык марийцев и привело к формированию трех основных субэтнических групп: горных, луговых, восточных (Петров, 1994: 229) и делению марийского языка на луговое, горное, восточное и северо-западное наречия (Коведяева, 1987: 7) (о категоризации марийского языка см. также (Агранат, Куцаева, 2020)).

В 2019–2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре Москвы и Московской области (численность марийцев в регионе составляет 4655 человек, из них этническим языком владеют 1657 чел. (соответственно, доля владеющих — 35,6 %) (ВПН 2010)). Целью обследования являлось выявление и описание функционирования этнического языка в условиях диаспорного проживания этнической группы. Выборка составила 106 человек, сто из них принадлежат первому поколению диаспоры и являются преимущественно уроженцами Республики Марий Эл, а также мест компактного проживания марийцев на территории Российской Федерации (Республики Татар-

стан и Башкортостан, Кировская и Свердловская области), шесть принадлежат второму поколению диаспоры.

Респонденты демонстрируют высокий уровень языковой лояльности и признают марийский язык в качестве одного из основных маркеров этнической идентичности (Куцаева 2020а), однако для многих из них марийский язык ассоциируется скорее с малой родиной. «Когда я туда приезжаю, я сразу отключаю мозг — русскую часть, и мы сразу начинаем плотно говорить только на своем» (№ 81, М., 29)¹. «Я приехал — и всё, сразу тумблер переключается!» (№ 92, М., 31). Кроме того, некоторые опрошенные свидетельствуют о том, что «родную речь в Москве слышишь очень редко. Да и многие знакомые марийцы предпочитают общаться на русском языке» (№ 96, Ж., 28). Тем не менее, в ходе обследования был выявлен ряд функций, которые выполняет марийский язык при весьма суженном его использовании в диаспоре московского региона: коммуникативная, фатическая, функция тайного языка, эмоциональная, сакральная и символическая; установлено распределение данных функций по поколениям в диаспоре, описаны факторы, способствующие или, напротив, препятствующие использованию респондентами марийского в той или иной функции. Многообразие функций этнического языка при скудном его использовании в московском регионе объясняется следующим: в то время как доминирующий язык сфокусирован на внешнем мире, миноритарному языку отводится иная роль, он направлен внутрь этнической группы: на укрепление семейных и родственных связей, социальных отношений, сохранение исторических связей, придания чувства родства и общей «родословной» (Crystal, 2000: 80–81).

Коммуникативная функция

Коммуникативная функция является одной из двух базовых функций языка: быть средством человеческого общения (ССТ 2006: 92). 75 % респондентов первого поколения в выборке заявили о том, что в московском регионе общаются в том числе и на марийском языке. Однако, в процентном соотношении варианты общения на этническом языке и на русском довольно разнообразны. «Если в разговоре с земляками, то в Москве, наверное, соотношение 60 % — марийский, 40 % — русский. А если в общем в Москве, то 95 % — русский» (№ 51, М., 29). «Сейчас, наверное, пятьдесят на пятьдесят. На работе по-русски, а дома — по-марийски» (№ 7, Ж., 56). «60 и 40 процентов. Потому что все-таки, живя в Москве, у меня есть товарищи, коллеги. Марийцы. Брат у меня здесь. Девушка — мари, то есть в этом плане у меня постоянная практика. Опять-таки сейчас везде связь, с родителями постоянно разговариваю на марийском по телефону. Мне удобнее, проще разговаривать по-марийски. Я всю жизнь на марийском разговариваю» (№ 70, М., 28). Общение на марийском тяготеет к семейно-бытовой и дружеской сферам, иногда — профессиональной.

В домашней обстановке общение на марийском происходит между супругами, родственниками или друзьями, арендующими вместе жилье. С представителями второго поколения респонденты практически никогда не используют этнический язык в целях коммуникации (отметим, что ни один респондент второго поколения не указал на использование марийского в данной функции). Этому препятствуют идеологии, усвоенные ими на малой родине в отношении этнического языка: монолингвальная идеология (стандартного языка), согласно которой, владение языком, ассоциируемым с властью и экономическим успехом, может быть достигнуто только за счет отказа от владения малым языком (Sallabank, 2013: 8); идеология языка — местности (связь между языком и определенным местом, точнее опытом определенного места; язык «прикован» к определенному месту, именно в этом месте и только в нем на языке разговаривают (Smith-Christmas et al., 2018: 143); идеология легитимности и аутентичности (господство модели традиционного носителя языка) (Там же: 5). «Старшего

---

¹ Здесь и далее в скобках последовательно приводятся номер анкеты, пол респондента, возраст респондента.

я в деревне сначала оставила, он знал марийский. Но на марийском языке со мной уже не разговаривает, только по-русски! Я сначала обрадовалась, ну что какой он молодец, усвоил потом так быстро русский язык. Но с тех пор он разговаривает по-русски. А по-марийски — вообще, как будто ничего не знал! Но при этом, когда мы с мужем разговариваем, он нас понимает. Но у него акцент появился, когда он говорит на марийском языке, он не так красиво говорит, как это надо. Меня это, конечно, смущает. Он же разговаривает, как настоящий русский, а не мариец! А младший — он у меня русский. Ну в смысле, он говорит только по-русски, не говорит по-марийски вообще, потому что он здесь в Москве всегда» (№ 9, Ж., 31).

С появлением детей и их воспитанием в московском регионе, общение супругов, ставших родителями, на марийском языке постепенно уступает место общению на русском. Однако, когда дети вырастают и покидают родительский дом, супруги вновь возвращаются к марийскому языку. «С супругом мы в основном сейчас на марийском разговариваем. Мы же из одной деревни, прошли одинаково. Сейчас мы вдвоем. То есть дети выросли, мы снова на марийском! Обратно. У старых, говорят, возвращается всё старое! Если дети приезжают, то мы на русском разговариваем. Исключительно. Когда у нас дети появились и нужно было водить в детский садик, и мы автоматически, видимо, не знаю, на каком уровне — на подсознательном или каком — перешли на русский язык. Чтобы ребенок знал русский язык, разговаривал на русском языке. То есть первые буквы, первые лепетания были на русском языке. Видимо, на подсознательном уровне это пошло. Именно я помню рождение детей. Хотели детям успеха. Чтобы без акцента ребенок разговаривал. Чтобы он чувствовал себя в своей стихии. А не каким-то отверженным. Потому что так было удобнее и нужно просто. Насколько я знаю, ни у меня, ни у моих подруг другого варианта не было. Мы все разговаривали дома на русском языке из-за детей исключительно!» (№ 24, Ж., 61).

Нередки случаи, когда респонденты имеют возможность общения на этническом языке в производственном коллективе, являясь членами строительной или монтажной бригады, будучи занятыми в сфере обслуживания или образования и трудясь бок о бок с другими марийцами. «Я являюсь начальником участка, у меня на работе есть марийцы, я с ними общаюсь тоже на марийском. Одни приезжают, но есть такие, которые и живут в Москве, но их немного. Они больше понимают на марийском, конечно» (№ 56, М., 52).

Марийский язык активно используется в сфере дружеского общения в ходе проведения культурных мероприятий, на встречах земляков. Именно на эти встречи возлагают надежды респонденты, в семейно-бытовой сфере лишённые подобного общения, поскольку проживают одни или состоят в этнически смешанном браке. Основными препятствиями для использования марийского в собственно коммуникативной функции на встречах земляков следует признать следующие. Во-первых, говорящие являются представителями разных субэтнических групп и, соответственно, носителями идиомов, взаимопонимаемость между которыми, по мнению опрошенных, достаточно низкая. «В Москве по сути тоже пытаемся на марийском разговаривать. Мешают диалекты, но в основном можно понять» (№ 81, М., 29). «Ну вот горномарийский — он прямо вообще сильно отличается, я не понимаю! Некоторые слова, которые там прямо совсем похожи, понимаю, а в основном — там, процентов 70 — нет. На встречах сначала будет марийский. Если какие-то общие фразы — «привет», «как дела», то они понятны, а потом как совсем уже недопонимание — то на русском. Ну, на втором предложении где-то и начинается!» (№ 51, М., 29). Во-вторых, разный уровень владения коммуникантами этническим языком (активные или пассивные билингвы) (ССТ 2006: 21). В-третьих, влияние негативных аттитюдов, распространенных в отношении марийского, а значит, сомнения респондентов в уместности его использования «в обществе» и шире — в городской среде. «Ни разу я не слышал раньше на улице, чтобы говорили по-марийски. На русском с акцентом марийским, да. Все пытаются скрыть, все пытаются сделать вид, что они москвичи. Ну, такой менталитет у марийцев. Нация маленькая, забитая, лучше мимикрировать. Я точно знаю, особенно раньше это было развито, как раз когда я переезжал. В нашем

поколении» (№ 59, М., 41). В настоящее время, по свидетельству большинства респондентов, они стали шире и чаще использовать марийский в том числе и в общественных местах, преодолев свойственное им стеснение общаться «на своем» в городе (об этом также см. (Куцаева, 2020а). С одной стороны, происходит медленный сдвиг языковых идеологий в более положительную сторону в отношении миноритарных языков (Sallabank, 2013: 66), с другой стороны, стремительное развитие современных технологий способствует более частым лингвистическим контактам с единоплеменниками, а значит, поддержанию этнического языка в диаспорной среде. «Потому что сейчас, мне кажется, этого стеснения, слава Богу, нет. Люди свободно говорят на марийском языке. Это и общение в общественных местах. Появились телефоны, раньше люди ехали и молчали. Раньше не так громко разговаривали, а сейчас я вижу, что люди разговаривают на марийском языке, уже идет гордость за то, что мы марийцы, что у нас есть своя земля, где есть своя культура» (№ 32, Ж., 37).

Более того, многие респонденты подчеркивали, что, проживая вдали от малой родины, со временем испытывают ностальгию и потребность в марийском языке. «Для меня важно, что мы земляки. Он мне тоже сказал, что ему тоже очень важно, чтобы девушка была марийской. Мы большую часть разговариваем на марийском. Это просто такое общение, что ближе марийский язык. Для нас» (№ 11, Ж., 27). «В Москве у меня подружка, мы с ней даже созваниваемся на марийском. Бывает, что иногда мы переписываемся на марийском. А вот, наверное, не хватает нам этих фраз, слов, может» (№ 14, Ж., 33). Таким образом, коммуникативная функция языка проявляется во всех остальных функциях языка; методологически охарактеризовать и определить любую функцию языка — значит в известном смысле охарактеризовать и определить конкретное проявление коммуникативной функции языка (Дешериев, 2019: 221).

Фатическая функция

Производной от коммуникативной является фатическая (контактоустанавливающая) функция языка, предназначенная для завязывания контактов (ССТ 2006: 92). 75 % респондентов первого поколения в выборке указали на использование марийского в качестве преамбулы к дальнейшему разговору, 6 % заявили о том, что не прибегают к подобному использованию, 19 % не упомянули данную функцию вовсе. Во втором поколении четверо опрошенных из шести также используют марийский для установления контактов.

Нередки случаи, когда респонденты знакомятся со своими земляками в московском регионе: на рынке, в парке, в общественном транспорте, на улице. Они либо слышат незнакомцев, говорящих по-марийски, и обращаются к ним в свою очередь на марийском, либо кто-то другой, заслышав разговор респондента со спутником или по телефону, заговаривает с ним на марийском. Отличным поводом для знакомства может стать звучащая из динамиков марийская песня. «Мы как-то слышали музыку марийскую, это была музыка из машины. Окна были открыты. Знаете, как будто бы слышишь родного человека» (№ 63, Ж., 44). «Если услышу, что они говорят на марийском, я всегда стараюсь со своими познакомиться. На марийском. Сразу. Да, были такие случаи! Я вот так проходил, слышу, что говорят по-марийски. И сразу — кто такие, откуда. Один раз, у меня квартира на первом этаже, я выхожу на балкон и слышу под балконом речь марийскую. Оказывается, у нас с Марий Эл приехали дворники. Работают в нашем районе. Оказалось потом, очень много работают. То есть у нас Братеево заполнено! Мне приятно, конечно! Дворники обрадовались тоже. А совсем недавно, когда ко мне одноклассник приехал, мы стояли у магазина, разговаривали. И тоже, оказывается, ребята-строители приехали с Марий Эл, слышали наш разговор и встряли!» (№ 52, М., 56).

Многие опрошенные признались, что для знакомства им совсем не обязательно слышать марийскую речь: «Смотрю на лицо, сразу узнаю. Ну как — видно же, что наш — не

наш. По лицу. Я даже не могу объяснить! Но примерно я вижу. Подойду — поговорю. Ну, да, на марийском. Если он мариец. Потом узнаю, откуда, чего делает. Наверное, потом каждый пойдет по своим делам» (№ 65, М., 43). «Если увидишь, по лицу — мариец. Спросишь. Да, мариец. Родное. Что-то родное в лице. Никогда не ошибалась» (№ 41, Ж., 29). «Я вот даже тут живу и еду вот и смотрю марийских лиц. Скучаю я! Ездила как-то. Сосед сидит, на вид-то смотришь — как будто он мариец, и с ним я начала по-марийски говорить, а он мне по-русски отвечает. С Оршанки был» (№ 83, Ж., 60).

«Кодовыми» фразами для знакомства на луговом марийском в диаспоре служат «*Teat mariй улыда?*» (Вы тоже мариец/ марийка?), «*Салам лийже!*» (Здравствуйте!), «*Сай поро ке-че!*» (Добрый день!). «*Кушеч улыда?* (Вы откуда?); на горномарийском — «*Шӓлӓ*» (Привет), «*Ма стаян?*» (Как дела?). Если собеседники в достаточной мере владеют идиомом, беседа продолжается на марийском, в противном случае в разговоре, начатом по-марийски, они переключаются на русский язык. «Если услышу, я их поприветствую. На марийском. «Добрый день, откуда вы родом». Вот такие слова на марийском. Это интересно просто узнать, откуда данные марийцы, допустим. *Салам!* Привет. *Сай мо* — привет, как оно? *Кушечын улат* — Откуда будешь? А дальше чаще на русский ухожу, потому что словарный запас ограничен» (№ 38, М., 31).

Ряд респондентов в выборке (горномарийцы, мужчины), отметили, что, как правило, используют приветственные слова исключительно при знакомстве с представителями своей субэтнической группы. «Если услышу, возможно, я скажу просто «привет» по-горномарийски. Мне же интересно! Ну вот... *Шӓлӓ*. А с луговыми если, я им даже ничего не скажу, вот». (№ 27, М., 37). Другие горномарийцы в выборке, обычно женщины, напротив, знакомятся с луговыми «каждый на своем» и далее общаются по-русски. «И что-то они на ярмарке продавали. Я спокойно подошла к ним, увидела, спросила: «Откуда вы?». — «*Йошкарла гӓиз?*». Они оказались лугомарийцами. Я сразу поняла, что это не горные марийцы, я спросила у них что-то, но уже на русском, потому что мы друг с другом особо не можем разговаривать. На лугомарийском и на горномарийском. У нас разные языки, нам сложно разговаривать» (№ 43, Ж., 25).

Несмотря на то, что разговор «на марийском» подчас сводится к обмену несколькими репликами на этническом языке, он, бесспорно, приносит членам диаспоры положительные эмоции. «Было несколько таких случаев, когда я вижу своих земляков в метро в Москве. Мы всегда смеемся как дети, мы так радуемся! Это такое вот, знаете — как будто мы встретились как люди какой-то волшебной страны, тайной, о которой никто не знает!» (№ 36, Ж., 28). В данной функции марийским широко пользуются не только активно владеющие этническим языком, но и пассивные билингвы, представители как первого, так и второго поколений.

Тайный язык

Прекращение регулярной коммуникации на языке приводит к его использованию в том числе в качестве тайного языка (Засе, 2012: 448). В выборке 52 % опрошенных в первом поколении, а также четверо из шести опрошенных во втором поколении указали на то, что используют марийский в конспираторной функции. Ряд респондентов заявили о том, что они никогда не используют марийский для обмена секретной информацией, считая, что это «некультурно», «неприлично», «люди начинают оглядываться, косо смотрят», «другие злятся», «если человек это слышит, получается, что это заведомо конфликтная ситуация». Тем не менее, более половины респондентов в выборке находят такое употребление марийского «удобным», «вообще шикарным», «очень классной штукой в Москве». В качестве тайного языка марийский используется, с одной стороны, в общественном пространстве, чтобы не быть понятым окружающими, с другой стороны, в семейно-бытовой сфере, чтобы скрыть информацию от какого-то члена семьи.

В общественном пространстве (рынок, супермаркет, магазин, кафе, улица, коллектив на работе или на учебе) марийским пользуются более половины из тех, кому доводится употреблять марийский в конспираторной функции. Некоторые также используют марийский на письме или в разговоре по телефону. «Пользуемся, если хотим какие-то секреты сказать. На улице, чтобы это... если надо нам что-то такое сказать! Вот не понравится, идет человек, плюет там, не знаю. Я могу сказать мужу по-марийски, что вот такой — никакой воспитанности нет!» (№ 88, Ж., 40). Впрочем, несмотря на очевидные преимущества обмена информацией на языке, который недоступен широкому кругу в Москве, существует риск быть «раскрытым». Респонденты неоднократно упоминали курьезные ситуации, в которые они попадали. «У нас в принципе очень часто, когда мы там идем — сестра, мама, я — и на марийском. *Ля-ля-ля* — в принципе, никто не понимает и разговаривай, да сколько хочешь! И вот стоит одна женщина, которая рекламные листовки раздает. Мама, значит, идет и говорит: «*Пижын мемнан дек, ынде ок коранг*». Пристала типа, от нас теперь не отстанет. И женщина тоже на марийском: «*Ок кўл дык, каласыза*» («если не надо — скажи»). У нее было как-то очень веселое выражение лица. То, что она тоже там знает марийский!» (№ 69, Ж., 32). «Это было в маршрутке, он сидел на марийском разговаривал, по телефону, кого-то обсуждал. Матом ругался. На марийском. Громко прямо говорил. Но когда я вышел, я поздоровался и по-марийски объяснил, что не надо ругаться. Он как-то ошарашенный был и посмеялся. «Хорошо!» — сказал. И всё» (№ 75, М., 31).

В семейно-бытовой сфере марийский используется одним из супругов в этническом смешанном браке. «Когда я по телефону разговариваю, она (супруга — М. К.) не знает, о чем говорю. Особенно с женщинами! Вот она ничего не понимает, мне даже удобнее! Именно, удобно, не каждый поймет!» (№ 25, М., 69). «Когда я по телефону говорю и не хочу, чтобы жена там чего-то уловила, у меня тогда подпольный язык есть!» (№ 52, М., 56). В браке, где оба супруга марийцы, также есть место для тайного марийского языка — обсудить какие-то темы при ребенке, чтобы он не понял. В этой функции марийским родители пользуются, чтобы «получше спрятать конфеты, подарки», «ввести запрет на мультики», «обсудить смешной случай, произошедший с ребенком так, чтобы ему было не обидно». Более того, «бывают моменты, когда нужно поделиться секретом, который вроде не нужно знать младшей дочке, допустим. Ну бывает же, что они могут говорить посторонним, невзначай рассказать все, что они услышали. Поэтому мы на марийском общаемся» (№ 20, Ж., 41). Обратной стороной такого общения выступает интерес, который проявляют сами дети к марийскому языку: неслучайно, четверо из шести опрошенных во втором поколении утверждают, что используют марийский для «дешифровки» родительских «секретов». «Я понимаю все, от меня ничего не ускользнет!» (№ 93, М., 17). В тайной функции некоторые респонденты первого поколения используют марийский в «острых» ситуациях (об этом также см. «Эмоциональная функция»): «Я еще ему говорила: «Слышишь, если ты чем-то недоволен, давай уже, не надо при детях ругаться. Если хочешь при детях поругаться, нахамить даже, то давай сразу по-марийски лепи! Чтобы дети не видели. Чтобы не расстраивались, что мы ругаемся. Зачем это им надо?». Вот так вот у нас с ним было!» (№ 26, Ж., 60).

В заключение приведем два интересных наблюдения. Помимо активных билингов, марийским в качестве тайного языка в выборке часто пользуются и слабо владеющие этническим языком. «Но жена понимает в целом. Конечно, она им пользуется! Если что-то там нужно от детишек скрыть, она тоже скажет пару слов. На ломаном марийском там. Чтобы ее понять, этот ее марийский язык, надо еще задуматься!» (№ 35, М., 28). Как выяснилось, в конспираторной функции марийским пользуются некоторые горные и луговые марийцы в общении между собой. В экстренных ситуациях, невзирая на утверждения большинства опрошенных относительно низкой взаимопонимаемости между идиомами, горные и луговые марийцы способны понять друг друга. «У меня начальник — мариец. Он горномариец. И как бы была такая ситуация, а он узнал, что в личном составе есть мариец... Он немножко как-то

меня поругал при всех, но на марийском языке. Потом спросил: «Ты понял?». Только на марийском языке спросил. Я говорю, что, да, понял. Он ругал там в шуточной форме, но я понял! Ругал на горномарийском» (№ 90, М., 29). Как видим, предложенное деление на те или иные функции весьма условно: функции между собой взаимосвязаны, проникают друг в друга, границы между ними не всегда четко обозначены, употребление этнического языка может быть подчинено выполнению сразу двух функций: например, конспираторной (скрыть информацию, скрыть эмоции от посторонних) и эмоциональной (эти эмоции выразить) (см. также «Эмоциональная функция»).

Эмоциональная функция

Проживание вдали от малой родины вызывает у респондентов чувство ностальгии и формирует особое, эмоциональное отношение к этническому языку. «Наверное, какие-то переживания хочется. Или в радости хочется на горномарийском. То есть более глубоко можно выразить свои эмоции» (№ 60, Ж., 30). «Эмоции, конечно, на марийском языке как-то выражаются по-другому» (№ 16, М., 47). «Бывает, на работе когда тяжело, что-нибудь и на марийском там. Поговоришь сам с собой — бывает и такое. Когда тяжело. Тоска — она и есть тоска по родине» (№ 96, М., 36). «Иногда мне дочка звонит по телефону: «Мам, давай немножко по-марийски поговорим!». Я говорю: «Давай!» (№ 86, Ж., 52).

Респондентам в выборке были заданы вопросы о том, на каком языке им доводится думать, видеть сны, ругаться и шутить. Половина респондентов так или иначе сохраняют крепкую эмоциональную связь с марийским языком: 53 % опрошенных используют его в форме шутки, 50 % думают на марийском (еще 4 % опрошенных признались, что ранее думали по-марийски), 50 % употребляют бранные слова на марийском, 49 % опрошенных доводится видеть сны на марийском языке.

Юмор на языке, на котором прекращена регулярная коммуникация, — достаточно частое явление в условиях языкового сдвига (Засе, 2012: 448). В выборке шутить на марийском любят активные билингвы, тогда как лица, слабо владеющие этническим языком, используют лишь отдельные слова на марийском в качестве шутки. «Да даже когда нужно и не нужно, использую марийский. Потому что мне иногда очень просто и смешно выразиться на марийском языке, иногда такие слова — они не переводятся. То есть выражение устойчивое, ты скажешь — и всем все понятно, смешно. А по-русски переведешь — вообще не то! (№ 53, Ж., 30). «Шутки — могу и по-марийски, кстати. Наверное, это какое-то выражение, такое... острое. На марийском будет интересней звучать!» (№ 63, Ж., 44). «О, это шутим, бывает! И шутки на марийском — это отдельная категория, потому что получается, если все марийцы и на марийском, это шутки отдельные получаются!» (№ 72, М., 45). Опрошенные, слабо владеющие марийским, так объясняют свое желание изредка употреблять марийский «в качестве шутки»: «Иногда ему что-нибудь в шутку говорю. Так, по ситуации. Да, такие бытовые вещи говорю. Ну, не знаю, корни, наверное, дают о себе знать» (№ 76, Ж., 38). Во втором поколении один респондент из шести также указал на использование марийского «для прикола» (№ 30, Ж., 19).

В ходе интервью респонденты эмоционально реагировали на вопрос о том, на каком языке им приходится ругаться. Некоторые, впрочем, заявили о том, что едва ли в марийском языке есть крепкие ругательства («Ну вот черт есть. *Керемет*. Мы, хорошие, как сказать — положительные, ругательских слов у нас нет. Это редко, очень-очень редко мы пользуемся» (№ 3, Ж., 64) в сравнении с русским или татарским языком, бранными словами из которого респонденты, владеющие татарским (Куцаева, 2020б), также пользуются: «Я еще могу по-татарски ругаться! Да просто нету марийских ругательств. «Черт» — разве это ругательство? Это просто существо такое! *Керемет* — ну и *керемет*! Надо же нормально там выругаться иногда! По-татарски проще получается, шикарно получается!» (№ 35, М., 28). Тем не менее,

большинство опрошенных отметили, что ругаться «иногда так хочется по-марийски!» (№ 7, Ж., 56), «когда я по-марийски выражусь, это так красиво звучит!» (№ 20, Ж., 41), «это, наверное, когда душевное» (№ 61, Ж., 33), «Ой, ругаюсь я иногда на марийском. Мне это более роднее, мне и нравится как бы марийский язык. Мне как-то проще, я на марийском скажу» (№ 34, Ж., 30). «На марийском бывает. Не знаю — когда сильно задевают, наверное» (№ 99, М., 35).

Часть респондентов используют ругательства на марийском среди «своих», чтобы «понятнее было»: в роли «своих» часто выступают в компании — друзья, в домашней обстановке — супруг («приятно поругаться на мужа на марийском» (№ 43, Ж., 25) или домашнее животное («Это, наверное, все хорошее — для своих! Ну, на кота, например. Чего-нибудь там... Ну да, наш кот в Москве. Может, это, знаете, с детства идет. Раньше же были коровы, скотина, и в основном слышалось от мамы, например. Она доит корову, и та начинает брыкаться. И мама ей что-нибудь может сказать. Может быть, это из-за этого. В памяти заложились» (№ 61, Ж., 33)). В общении с детьми опрошенные также используют ругательства на марийском, но в целях конспирации. Впрочем, эта уловка, кажется, не всегда работает, особенно на регулярной основе. «Я материться на марийском могу! Да, конечно, использую! У меня вот, правда, дочка повторяет. Она раньше не понимала, что я им говорю. Ну, я же, чтобы она не понимала... А потом уже она стала понимать, что это такое. А теперь могу слово сказать, ну, одно» (№ 94, Ж., 36).

Другие, напротив, используют марийский среди «чужих», чтобы никто не понял смысл высказывания, но по интонации было ясно, что говорящий испытывает негативные эмоции, совмещая, таким образом, эмоциональную и тайную функции, о чем мы говорили выше. «Самое прикольное, знаете, в чем: мы с мужем снимали квартиру и жили с чувашской семьей. Так вот, мы частенько специально ругались с ней на своих языках, чтобы злобы не было друг к другу, накричали на своих языках, посмеялись и разошлись по комнатам!» (№ 89, Ж., 30). В выборке эмоциональные высказывания на марийском среди «чужих» используются довольно часто и на работе: выплеснуть эмоции, получить эмоциональную разрядку, не оскорбить человека и в конечном счете обратить все в шутку. «На своем! Бранные слова есть. Я иногда в средней группе (детсада — М. К.) говорю: «Сейчас я вам на французском языке скажу одно слово!». У нас же в марийском языке *о*, *у*, *ю* — как по-французски! Они, конечно, ничего не понимают в такой ситуации» (№ 22, Ж., 51). «Я работаю в жилищно-коммунальном хозяйстве. И у меня дворники, уборщицы — узбеки, и когда я их вызываю, отчитываю, говорю: «Если вы не понимаете на русском, я вам скажу на марийском. Потому как по-узбекски я не знаю. Ваш язык. Вот стойте и слушайте!». И по-марийски! Да, иногда я так ругаю» (№ 48, Ж., 51). «А мы, естественно, по-русски ругаться-то. Но есть такие слова... неперебиваемые, не то что злые слова, но вот когда по музыке объясняешь человеку, не все так просто, я один раз сказал: «Шопке омарта!». Это в переводе — «пень осиновый». Шопке — это «осина», омарта — «пень». Студент спросил: «Это что такое?». Ну то есть это не ругательское: ну ты очень долго думаешь, но хоть пошевели мозгами! Это все в шутку превращается, естественно!» (№ 104, М., 60).

Часть респондентов в выборке (в основном женщины младших и старших когорт) указали, что в настоящее время они по-прежнему формируют внутреннее высказывание на марийском языке: «Может быть, на марийском думаю. Я сперва могу подумать на марийском, а потом могу переводить все это» (№ 9, Ж., 31). «Больше на марийском. Даже в Москве. Проще мне, я же говорю. Даже вот по работе, иногда в диалог вступаешь и думаешь: «Я бы так сказала лучше, чем по-русски выразить!» (№ 41, Ж., 29). «Думаю на марийском. Перевожу с марийского. До сих пор!» (№ 102, Ж., 60). Незначительная доля опрошенных (4 %) подчеркнули, что ввиду проживания в московском регионе, общения в большей мере на русском языке, а также в силу профессиональных обязанностей (необходимости чтения специализированной литературы на русском языке), их внутренняя речь строится уже исключительно на

русском языке. Однако подавляющее большинство опрошенных уверены, что «это, наверное, переходящее. На работе, когда кругом больше русские-русские, на русском. А где мари, где на марийском общаюсь, начинаю думать на марийском» (№ 57, Ж., 38). «Если я про родителей думаю, про дом в деревне, тогда я скорее всего по-марийски думаю» (№ 29, Ж., 53). Пассивные билингвы отметили следующую особенность: «Думаю, когда есть много времени, — на марийском, когда мало времени — на русском. Например, долго идешь куда-нибудь или пробежки делаю, бегаю, и так чего-нибудь думается. И на марийском, и на русском» (№ 39, М., 29).

49 % опрошенных заявили о том, что им доводится видеть сны в том числе и на марийском (ср. данные, полученные нами в чувашской диаспоре — 27 % (Куцаева, 2020в). «Ну на 90 % на русском, конечно. Ну а душа же у нас гуляет во сне везде, и я бываю и дома. В общем-то на марийском тоже» (№ 12, Ж., 50). Респондентам снится малая родина, родители, детство, братья и сестры, деревня, дом, «где-то старые места, луга, *подгоры*, наши маленькие горы» (№ 4, Ж., 64), предки, «свои, которые ушли» (№ 45, Ж., 35) (часто — бабушка и дед, родители), школа. «Марийские» сны напрямую коррелируют в том числе с коммуникативной функцией: «Ну, это, наверное, зависит от человека. Ну, о чем сон. Ну вот, допустим, если связано там с человеком, который общается на марийском, то на марийском это будет. Если с человеком, который на русском, то на русском» (№ 74, М., 28). Во сне, кажется, сохраняются у респондентов некоторые стереотипы в отношении марийского: «На марийском опять же во сне — где бываю. Если в городе, то по-русски. Если в деревне, наверное, это уже однозначно по-марийски получается» (№ 26, Ж., 60), а у пассивно владеющих марийским — установка на использование марийского преимущественно в символическом функции: «Сны-то обычно там сюжеты больше, чем голоса. Я обычно не задумывался... там никаких костюмов-то нет, какие-то образы. А чтобы сны марийские снились, нужно в республике марийской родиться и там прожить какое-то время» (№ 39, М., 29, уроженец Кировской области). В одном случае была указана связь «сна на марийском» с сакральной функцией: «Сны, бывает, снятся. Начинаю на марийском, я там уже с Богом немножко разговариваю» (№ 6, М., 49). Как видим, в разных проявлениях эмоциональной функции прослеживаются ее связь с другими функциями — коммуникативной, конспираторной (тайный язык), символической, сакральной.

Язык религии. Сакральная функция

В силу исторических причин внутри субэтнических групп марийцев не наблюдается религиозного единства: горные марийцы, с присоединением марийских земель к Российскому государству (1551) приняли христианство, и сегодня, если не практикуют активного православия, являются носителями христианской культуры; луговые марийцы, населяющие большую часть Республики Марий Эл, долгое время придерживались традиционной марийской веры, однако в настоящее время являются так называемыми «*двоеверами*» (самоназвание: ходят и в священную рощу, и в церковь, считая, что поклоняются одному Богу); марийцы, проживающие компактными диаспорными группами в Башкортостане, Татарстане, на Урале, — потомки тех, кто бежал от насильственной христианизации (XVII–XVIII вв.) и по большей части являются чистыми язычниками (*чимарий*) (Филатов, Щипков, 1996: 167). С принятием Закона «О свободе вероисповедания» (1990 г.) марийцы получили официальное разрешение на проведение коллективных молений (*кумалтыш*) в священных рощах (*кўсото*), тем не менее число приверженцев православия растет быстрее ввиду активизации деятельности РПЦ, а также возвышения официального статуса православия как национального культурного символа страны (Марийцы, 2013: 301–302).

Два респондента-горномарийца из тринадцати в выборке отметили, что языком религии для них на малой родине, помимо церковнославянского (в терминологии опрошенных —

русский) выступает и горномарийский. «Службы в основном проходят на русском, но вот некоторые молитвы сейчас переведены на горномарийский язык, и поют на горномарийском языке. Я слушала, да. Понимаю. У нас есть священники, которые знают горномарийский язык, они, наверное, переводят. Но целая служба на горномарийском не проходит. Отдельные молитвы только. И вот «Отче наш» на горномарийском. Но мне было трудно ее выучить на русском-то. Я не очень такой приверженец» (№ 21, Ж., 52) — что соответствует полученным нами данным в выборке в чувашской диаспоре (чувашские земли одновременно с горномарийскими вошли в состав Российского государства: чуваша также приняли православие) относительно доступности религиозных текстов на родных для респондентов языках (Куцаева, 2020в: 304–309).

Значительная доля лиц в выборке (36 %, луговые и восточные марийцы) активно и самостоятельно (в отличие от горных марийцев, которые лишь «слышали» религиозные отправления на горномарийском) используют марийский язык в качестве языка религии (во втором поколении один из шести респондентов в выборке). Часть респондентов посещают священные рощи на малой родине, отправляются на коллективные моления на гору Чумбылат, расположенную в Кировской области, или в московском регионе, где по инициативе некоторых членов землячества в течение ряда лет проводятся моления для московских марийцев. Даже те респонденты, которые в настоящее время причисляют себя к православным, хранят отдельные, яркие воспоминания о традиционной вере, к которой они приобщались благодаря старшим, давно ушедшим родственникам, чаще всего — бабушке, тете, деду. Язык религиозных обрядов на молениях большинству активно владеющих языком кажется понятным, одна из причин кроется в том, что «не существует единого варианта молений. У нас, например, в разных деревнях моления проходят по-разному. И такого нет, чтобы какой-то стандартизации. Когда я проходил курсы картов Йошкар-Оле, специалистов по национальным и межрелигиозным вопросам, даже более старшие говорили, что не нужно, нет необходимости, чтобы прибегать к какой-то стандартизации. Если в эту деревню вы приехали, там моления вот так проводят, то смотрите и учитесь, как они проводят. И если вы проводите у себя, то проводите как умеете, как знаете» (№ 28, М., 47). Те, кто принял христианство, не отказываются, однако, от традиционной марийской веры, а значит — и от использования в этой функции марийского языка. «Я лично — двоеверие. Я крещеная. Опять же, когда я приехала в Москву, я решила покреститься. Среди русских находилась больше, наверное. Но свою религию языческую я соблюдаю. Я спокойно живу двоеверием. Могу и в церковь зайти, могу и просто поклониться солнцу. У нас тут в Москве, конечно, тоже свои моления. Моления на родине каждый год проходят, я туда с удовольствием хожу. Я и в церкви своим языком общаюсь. Ну, не на своем языке, а своим языком. Как у меня душа просит, я так и говорю. Я не учу. Специально фразы не заучиваю. Моления у марийцев, конечно, на более доступном языке. Более доступно. Там, в церкви, все слова и не поймешь. А тут — все слова понятны. Нет каких-то заумных слов» (№ 57, Ж., 38).

Помимо использования в качестве языка религии, 24% респондентов (луговые и восточные мари) используют марийский также в своей повседневной жизни в собственно сакральной функции (среди горных марийцев — ни одного, равно как и среди чувашей таковых был лишь 1 % (Куцаева, 2020в: 147). «В октябре уже вижу сны. Родителей. Тетю вижу. Маму, отца вижу. Я потом что-нибудь варю, готовлю. Потом сяду за стол и говорю: «Мама, вот *шужо*». Вот ... чтобы дошла до вас моя еда. До вас чтобы дошло. *Шужо*, не ругайте меня, не сердитесь на меня! Я приеду! Вы знаете, я обязательно приеду. Только не ругайте» (№ 22, Ж., 51). Нередко московские марийцы, сохраняющие трепетное отношение к лесу, воде, природе в целом (подробнее см. (Марийцы, 2013: 310–311), обращаются на марийском к силам природы, когда приходят в лес, идут на рыбалку (преимущественно мужчины в выборке), собирать грибы или травы (женщины в средних когортах в выборке). «Потому что с детства я была ближе к природе. Меня бабушки водили в лес, по грибы, по ягоды. Папа у

меня был рыбаком, на рыбалку ходили. И мы всегда почитали природу. Папа меня учил с детства почитать природу. Ну, там сказать спасибо, поздороваться с лесом, вот такие какие-то вещи делать. И для меня это, ну, нормально. То есть на природе я могу, грубо говоря, с деревом пообщаться. На марийском языке. Вот это такое всё — к язычеству больше, но я крещеная» (№ 96, Ж., 27). «Эти слова — это обращение к богу леса. Ну, банальные слова. Ну, то, чтоб найти побольше ягод, чтоб не заблудиться. Сам использую я на рыбалке, допустим. К богу воды обращаюсь. Вот, давайте, чтоб все хорошо прошло, чтобы рыбалка была, чтобы рыба клевала. Это все-таки... потому что родители так делали, ну и как бы... не знаю, что-то внутри такое есть, наверное, что хочется так делать» (№ 70, М., 28). Подчеркнем, что респонденты, использующие марийский именно в сакральной функции, сохраняют сильную эмоциональную связь с этническим языком, который несет для них память о предках. «И молитвы читал, которые мне тетя в деревне в детстве читала. И когда парили нас в бане, пятеро детей нас было в семье, все это было, все это подпевалось, до сих пор это все повторяется. Сейчас тоже так, да. Такие вот родные, не раскодированные мотивы» (№ 106, М., 58). Таким образом, очевидно, что благодаря сохранению традиционной религии и верований (у части луговых и восточных мари) сохраняется и использование этнического языка в качестве языка религии и в сакральной функции.

Символическая функция

16% респондентов первого поколения (а также один из шести опрошенных во втором) указали на использование марийского в символической функции: язык выступает символом групповой идентификации, а не средством регулярного общения между членами группы (ССТ 2006: 192). В большинстве случаев опрошенные не владеют активно этническим языком, однако питают к нему глубокую привязанность, часто усиливающуюся с годами и самим фактом проживания вдали от малой родины. «Так как живешь вдали от родного гнездышка, марийский язык и Республика Марий Эл все дороже и дороже. Ну как — все ближе и ближе» (№ 97, М., 36). Использование марийского в такой функции — «это для поддержания морального духа, так сказать» (№ 46, М., 30).

Некоторые респонденты, в том числе и активные билингвы, «продвигают» этнический язык и среди «не марийцев». «А сейчас я работаю воспитателем в детском саду. В прошлом году у нас был проект «Народы России», я выбрала марийцев. Зачем какой-то другой народ брать? У меня все есть: книги есть, костюмы есть! Зачем какой-то другой народ выбирать, когда всё знаешь про свой народ! Учили с детьми песни: здоровались на марийском, прощались и песню пели. Мы три куплета выучили. А им нравилось, детям! Я не скрывала от родителей, что я марийка, ну и не то, что вот я выхожу и говорю, что я нерусская, нет, конечно. Слова я не раздавала, это только в саду. И даже одна родительница подходит и говорит: «Я не могу понять, что он (ребенок — М. К.) поет?». Вот в таком случае я рассказала, что у нас такой проект, что мы выбрали марийский народ. Каждый день в саду мы учили. Но они, как ни странно, очень быстро выучили!» (№ 57, Ж., 38). «У меня все соседи, друзья знают, что я марийка. На работе у меня все русские работают. Исключительно русские, москвичи. Но я руководитель отделения, они всегда здороваются «*Поро кече*», прощаются тоже. Я их научила. Они знают. Они сами интересуются, сначала про город интересовались, я им показывала видео, фотографии, сувениры привозила. Потом им интересно стало, как это будет, как-то. Элементарные «здравствуйте», «до свидания» я их научила» (№ 96, Ж., 27).

Кроме того, в символической функции марийский используется на различных культурных мероприятиях, организованных марийским землячеством в Москве (например, на ежегодном марийском празднике *Пеледыш пайрем* («Праздник цветов»), отмечаемом по окончании весенне-полевых работ шумно и весело, с песнями и плясками), а также в рамках успешно реализуемого проекта «Моско марий тўвыра рўдер» («Центр притяжения марийской

культуры в г. Москве»), нацеленного на продвижение марийской национальной культуры. Подобные мероприятия делают язык «видимым» и «слышимым» как для непосредственных зрителей, так и для более широкой аудитории (благодаря СМИ и новым медиа), позволяют говорящим испытывать гордость за свой этнический язык, что необходимо для повышения языкового престижа, формирования осознанного отношения к языку и личной уверенности говорящих, однако это едва ли способствует использованию языка в повседневном общении (Sallabank, 2013: 85-89).

Заключение

Таким образом, несмотря на ограниченное использование марийского в диаспоре московского региона (в семейно-бытовой, дружеской сферах общения, редко — профессиональной), за этническим языком закреплен широкий спектр функций: коммуникативная, фатическая, тайный язык, эмоциональная, сакральная и язык религии, символическая. Предложенное деление на те или иные функции, однако, условно: функции между собой взаимосвязаны, употребление этнического языка может быть подчинено выполнению сразу нескольких функций.

В первом поколении (Табл. 1) употребление марийского в коммуникативной функции в московском регионе (в ограниченном объеме, по сравнению с малой родиной) свидетельствует как о привычке активных билингвов говорить на этническом языке, так и о ностальгии по малой родине (в том числе у пассивно владеющих языком). Основными препятствиями для полноценного использования марийского в диаспоре выступают принадлежность разным субэтническим группам (и идиомам марийского), а также негативные аттитюды в отношении этнического языка. Марийский, за редким исключением, широко употребляется в фатической функции, независимо от степени владения языком, а также в качестве тайного языка, для усиления чувства принадлежности этнической группе. Активные билингвы чаще используют марийский в эмоциональной функции, тогда как пассивные — в символической. Использование марийского в сакральной функции (и в качестве языка религии) обусловлено субэтнической принадлежностью респондента: сохранение традиционных верований, характерное для восточных и части луговых мари, способствует активному употреблению ими этнического языка в религиозных и особых, сакральных обрядах, в отличие от горных мари и луговых, которые являются приверженцами христианства.

Таблица 1

Распределение функций марийского языка в первом поколении

функция	% респондентов в выборке
коммуникативная	75
фатическая	75
тайный язык	52
эмоциональная	~50
язык религии, сакральная функция	36 (луговые и восточные)
символическая функция	16

Во втором поколении диаспоры (Табл. 2) ни один из опрошенных не указал на использование марийского в коммуникативной функции, что является следствием слабой межпоколенной передачи языка в семье. Лидирующими функциями являются фатическая и тайного

языка, поддерживающие чувство родства и принадлежности группе. Использование марийского в эмоциональной, сакральной и символической функции идет во втором поколении в выборке на убывание.

Таблица 2

Распределение функций марийского языка во втором поколении

функция	количество респондентов ²
коммуникативная	—
фатическая	4
тайный язык	4
эмоциональная	1 (шутить)
язык религии, сакральная функция	1
символическая функция	1

Следовательно, набор функций, закрепленных за этническим языком, обусловлен, во-первых, принадлежностью респондента первому или второму поколению диаспоры, во-вторых, степенью владения им этническим языком, в-третьих, субэтнической принадлежностью респондента. Разнообразные функции марийского языка при скудном его использовании в диаспорных условиях свидетельствует о важной роли, которая, тем не менее, отводится этническому языку в целях поддержания чувства групповой идентификации в первом поколении диаспоры. Слабая межпоколенная передача этнического языка приводит, однако, к постепенному угасанию функций марийского во втором поколении диаспоры.

Литература:

- Агранат Т. Б., Куцаева М. В.** Категоризация нескольких финно-угорских идиомов и языковая лояльность их носителей // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. Гуманитарные науки. 2020. № 10 (839). С. 11–24.
- ВНП 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 года// http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 19.06.2020).
- Дешериев Ю. Д.** Социальная лингвистика: к основам общей теории // Отв. ред. И. Ф. Протченко. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАРД, 2019.
- Засе Х.-Ю.** Теория языковой смерти // Отв. ред. Н. Б. Вахтин. Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия. Санкт-Петербург, 2012. С. 433–458.
- Коведяева Е. И.** Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (марийский язык). М., 1987.
- Козлова К. И.** Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
- Куцаева М. В.** Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020а. № 2. С. 124–150.
- Куцаева М. В.** Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий марийцев Московского региона // Урало-алтайские исследования. 2020б, 4 (39). С. 7–23.
- Куцаева М. В.** Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М., СПб., 2020в.
- Марийцы. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола, 2013.
- Петров В. Н.** Марийцы // Гл. ред. В. А. Тишков. Народы России: энциклопедия. М., 1994. С. 229–231.
- Селеев Г. А.** История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.

² Ввиду незначительной выборки второго поколения, в графах представлено количество респондентов, указавших на использование марийского в той или иной функции.

ССТ 2006 — В. Ю. Михальченко (отв. ред.) Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.

Филатов С., Щипков А. Сотая епархия. Последний языческий народ Европы // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. Под редакцией М. Н. Губогло. Москва, 1996. С. 167–175.

Crystal D. Language death. Cambridge University Press. 2000.

Sallabank J. Attitudes to endangered languages: identities and policies. Cambridge University Press, 2013.

Smith-Christmas et al. (eds.). New Speakers of Minority Languages. Palgrave Macmillan, 2018.

Куцаева Марина Васильевна, кандидат филологических наук,
научный сотрудник группы финно-угорских языков отдела урало-алтайских языков.

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, д. 1, стр. 1, г. Москва, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 08 октября 2021 г.

M. V. Kutsaeva

FUNCTIONS OF THE ETHNIC LANGUAGE IN THE MARI DIASPORA OF THE MOSCOW REGION

The article presents the results of a sociolinguistic survey conducted by the author in the Mari diaspora of the Moscow region aimed at identifying and describing the functioning of the ethnic language. One of the aspects of the study is devoted to the establishment of the functions, assigned to the ethnic language in the conditions of the diaspora residence of an ethnic group. Despite the insignificant degree of the Mari language use in the Moscow region (due to the ubiquity and dominance of the Russian language there) and its use mainly in family, household, friendly, sometimes professional communications, the Mari language, however, performs several important functions in the diaspora.

The survey results revealed the following functions: communicative, phatic (contact-establishing), the function of a secret language (used in a public space between Mari speakers or in the home communication between some family members), emotional (which language the respondents are likely to think, dream, swear, joke in), sacred (the language of appeal to the divine powers, the language of religion and religious practices) and symbolic (language used as a symbol of group identification).

As a result of the survey, the distribution of functions of the Mari language by generations was established, as well as some patterns, majorly related to the proficiency levels in the Mari language and the respondents' belonging to the first or the second diaspora generation. Factors preventing the use of Mari in some functions mentioned above have been equally singled out.

Keywords: *Mari language, ethnic language, internal diaspora, Moscow region, functions of the language.*

References:

Agranat T. B., Kutsaeva M. V. Kategorizatsiya neskol'kih finno-ugorskih idiomov i yazykovaya loyal'nost' ih nositeley [Categorization of Several Finno-Ugric Idioms and Language Loyalty of their Native Speakers] // Vestnik MGLU [Vestnik of Moscow State Linguistic University]. 2020. №10 (839). P. 11–24. (In Russian).

Crystal D. Language death. Cambridge University Press. 2000.

Desheriev Yu. D. Sotsial'naya lingvistika: k osnovam obtschei teorii [Social linguistics: to the basics of general theory] // Ed. Protchenko I. F., 2nd edition. Moscow, 2019. (In Russian).

Filatov S., Tschipkov A. Sotaya eparkhiya. Poslednij yazycheskij narod Evropy [The hundredth diocese. The last pagan people of Europe] // Ed. M. N. Guboglo. Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Marij El [The waking of Finno-Ugric North. The Mari El experience]. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 167–175. (In Russian).

Kovedyaeva Ye. I. Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (marijskiy yazyk) [Areal studies on eastern Finno-Ugric languages (Mari language)]. Moscow, 1987. (In Russian).

- Kozlova K. I.** Oчерки etnicheskoj istorii marijskogo naroda [Essays on ethnic history of Mari people]. Moscow, 1987. (In Russian).
- Kutsaeva M. V.** Marijtsy Moskvy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya lojal'nost' v usloviyah vnutrennej diaspory [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty] // *Rodnoi Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal* [Native language. Linguistic journal]. 2020a. № 2. P. 124–150. (In Russian).
- Kutsaeva M. V.** Marijsko-tatarskiye yazykovye kontakty v zerkale yazykovyh biografij marijtsev moskovskogo regiona [Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biographies of Moscow region Mari] // *Ural-Altai Studies*. 2020b, 4 (39). P. 7–23. (In Russian).
- Kutsaeva M. V.** Funktsionirovanie etnicheskogo yazyka v chuvashskoi diasore moskovskogo regiona [Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region]. Moscow, Saint-Petersburg, 2020c. (In Russian).
- Marijtsy. Istoriko-etnograficheskie oчерki [Maris. Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola, 2013. (In Russian).
- Petrov V. N.** Marijtsy [Maris] // Ed. Tishkov V. A. *Narody Rossii: entsiklopedia* [Peoples of Russia: encyclopedia]. Moscow, 1994. P. 229–231. (In Russian).
- Sallabank J.** Attitudes to endangered languages: identities and policies. Cambridge University Press, 2013.
- Sasse H.- J.** Teoriya yazykovoї smerti [Theory of language death] / *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Khrestomatiya* [Sociolinguistics and sociology of language. Textbook]. Ed. N. V. Vakhtin. Sankt-Peterburg, 2012. P. 433–458. (In Russian).
- Sepeyev G. A.** Istoriya rasseleniya marijtsev [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola, 2006. (In Russian).
- Smith-Christmas et al.** (eds.). *New Speakers of Minority Languages*. Palgrave Macmillan, 2018.
- SST — Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms] // Ed. V. Ju. *Mikhailchenko*. Moscow, 2006. (In Russian).
- VNP 2010 — Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda [All-Russian 2010 census] // http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Kutsaeva Marina Vasilievna, candidate of philology, research fellow
(group for Finno-Ugric languages, department of Ural-Altai languages).

RAS, Institute of Linguistics.

1 Bolshoi Kislovskij lane, build. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru